

Павлова И. К. Блокада глазами учёного // На русских просторах. Историко-литературный журнал. №1 (44), 2021. С.106–116.

URL: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/blokada-glazami-uchyonogo>

Вспоминая блокадные годы нашего города, нельзя не сказать о самоотверженной работе тех учёных, кто остался в осаждённом Ленинграде и продолжал заниматься наукой в тот период. Среди этих сподвижников следует назвать имя известного востоковеда-ираниста Александра Николаевича Болдырева (1909–1993), упоминания о котором ещё при его жизни встречались в советских энциклопедических изданиях.²

Став очевидцем и непосредственным участником блокады Ленинграда, Александр Николаевич оставил нам свои личные дневники, рассказывающие не только о военной обстановке, но и о научной жизни в городе. В настоящее время известно два подлинных блокадных документа, принадлежащие его перу: «Осадная Запись» («Блокадный дневник»), изданная в 1998 г. И.М. Стеблин-Каменским, и «Журнал текущей работы и происшествий по Ин-

² БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 506–507; Советский энциклопедический словарь. М., 1987. 4-е изд. С. 154.

ституту востоковедения Академии наук СССР», опубликованный нами в 2011 году.³

В 1930 г. Александр Николаевич Болдырев, потомственный дворянин и петербуржец, закончил Историко-лингвистический факультет восточного отделения Ленинградского государственного университета (ЛГУ) по специальности «Персидская литература». Обстоятельства сложились так, что в 1933 г. он был вынужден уехать по работе из Ленинграда в Таджикистан, в г. Сталинобад (Душанбе), где в течение трёх лет служил в созданном не так давно таджикском отделении Академии наук СССР.

В 1936 г. А.Н. Болдырев вернулся в Ленинград и поступил на работу в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, возглавив Отделение Передней Азии, Кавказа и Ирана. Его практические знания разговорного персидского и таджикского языков были также востребованы: в 1937 г. он стал преподавать упомянутые языки студентам восточного факультета ЛГУ. Одновременно с этим А.Н. Болдырев в стенах Института востоковедения АН СССР (ИВ АН) начал подготовку к защите своей кандидатской диссертации «Фольклор и литература Бадахшана». Буквально за месяц до начала Великой Отечественной войны, в мае 1941 г., Александр Николаевич предоставил в учёный совет ИВ АН свою готовую диссертацию и пакет необходимых документов для защиты. Среди них мы обнаружили, на наш взгляд, уникальную справку. В ней указывалось, что Александр Николаевич освобождался от сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку и специальности (история таджикской литературы).⁴

При этом отметим его природную скромность в оценке своих способностей. В графе «знание языков» он указал так: персидский, французский, немецкий, английский и таджикский знает — хорошо; латынь, шведский, итальянский, узбекский — слабо. Не берёмся судить о «слабых» знаниях последних из перечисленных языков, но его великолепное владение персидским, таджикским и немецким языками остаётся неоспоримым. Не случайно с апреля месяца по июнь 1942 г. А.Н. Болдырев будет призван на службу в одну из воинских частей военно-воздушных сил Краснозна-

³ Болдырев А.Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). Подготовили к печати В.С. Гарбузова и И.М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998; Болдырев А.Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. Подготовила к печати И.К. Павлова // Труды Архива востоковедов ИВР РАН. М., 2011. Вып. 1. С. 7–32.

⁴ Болдырев А.Н. Архив Востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 35. Л. 2–4.

Болдырев А.Н. 1942 г.

мённого Балтийского флота в качестве переводчика немецкого языка.

Начало Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) совпало с важным событием в жизни Александра Николаевича. Несмотря на суетность первых военных дней, 30 июня (понедельник) на учёном совете ИВ АН состоялась защита его кандидатской диссертации.

Защита прошла блестяще, все 14 присутствующих членов Учёного совета единогласно проголосовали за присуждение соискателю степени кандидата филологических наук⁵.

Уже летом 1941 г. в Эрмитаже была создана противопожарная команда МПВО, её командиром стал А.Н. Болдырев, а его заместителем Б.Б. Пиотровский. В дни дежурства (через день) команда находилась на казарменном положении в подвале Эрмитажа, приспособленного под бомбоубежище⁶.

Вскоре блокадное кольцо сожмёт Ленинград. Жители города начнут жить под постоянными бомбёжками и артобстрелами с продовольственными карточками, в режиме города-фронта. Несмотря на это, 19 октября в Эрмитаже состоялось замечательное событие — празднование 800-летнего юбилея великого азербайджанского поэта Низами Гянджави (1141–1209). Само по себе это событие стало незаурядным не только для ленинградцев, но и для всей культурной и научной общественности страны. Одним из организаторов подготовки этого заседания был А.Н. Болдырев. Он открыл это торжественное мероприятие своим высокопрофессионально подготовленным докладом «Низами и его время»⁷.

9 декабря 1941 г., в первую самую тяжёлую зиму для ленинградцев, Александр Николаевич начнёт вести свой дневник. Вот как он сам обозначал своё намерение оставить свидетельства тех блокадных дней: «Книга ежедневной Записи. Начато 9 декабря 1941 года... Только теперь, на 4-ом месяце осады (мы считаем, что кольцо вокруг города замкнулось в двадцатых числах августа) привожу в исполнение давно возникшую мысль вести самую

⁵ АВ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. За, ед. хр. 96. Л. 30.

⁶ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1994. С. 185.

⁷ Дроздов В.А. — Векилов А.П. Юбилей Низами в блокадном Ленинграде // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Серия 3. Вып. 3. С. 132–134.

короткую, в нескольких фразах на каждый день, хронику осадного времени. Её цель — зафиксировать лишь самые простые, повседневные факты нашего осадного быта дома и в Эрмитаже».⁸ Очевидно, Александр Николаевич несколько месяцев не решался начать свои записи, раздумывая над тем, «правильно ли он поступает». Он прекрасно отдавал себе отчёт, что его личные впечатления станут неоспоримыми свидетельствами того трагического времени. Поэтому в своей «Осадной Записи» Александр Николаевич зачастую использует иносказания, переходит на таджикский язык, иногда даже зашифровывает некоторые события новообразованными словосочетаниями.

В его тескте записи о нехватке хлеба, о наступившем парализующем холоде, о смерти близких людей чередуются с его твёрдым намерением заниматься наукой: «Бедствие. Морозы. Мрак. Голод. Смерть... Последние два дня усиленно тянет к работе... Завтра иду в Эрмитаж, Дом учёных и, м. б., Дом писателей»⁹.

В феврале 1942 г. возобновилась эвакуация ленинградцев и сотрудников научных учреждений на Большую землю. Александр Николаевич записывает в своём дневнике: «Идёт огромная эвакуация всех желающих. Я же, по-прежнему, твёрд на позиции — “не ехать”».¹⁰ Эвакуироваться Александр Николаевич со своей семьёй мог вместе с преподавателями университета или сотрудниками Эрмитажа. Но он отказался как в первом, так и во втором учреждениях. 14 февраля 1942 г. он пишет: «Университет уезжает весь, оставшиеся получают расчёт с 25-го»¹¹. Поражает твёрдость принятого решения учёного после того, как он пережил первые очень сложные месяцы блокады, в течение которых Александр Николаевич потерял многих родных людей и коллег, а сам был уже на первой стадии дистрофии. Это решение лишило его сразу двух лю-

⁸ Болдырев А.Н. Осадная Запись... С. 25. Действительно, многие блокадники считали, что блокада началась с 28 августа, когда из Ленинграда ушёл последний поезд и все железнодорожные пути оказались прерваны. — см.: [Электр. ресурс] — <http://oktzd.ru/s/3374>

Осадная Запись состоит из 5 тетрадей. Последняя запись в ней сделана А.Н. Болдыревым 14 августа 1948 г.

⁹ Осадная Запись... С. 50–51.

¹⁰ Там же, с. 56.

¹¹ Болдырев А.Н. Осадная Запись..., с. 58.;

Лен. гос. университет им А.А. Жданова (СпбГУ) был эвакуирован в Елабугу — см.: Болдырев А.Н., Осадная Запись..., с. 55.; сотрудники Эрмитажа в Свердловск (Екатеринбург) — см.: [Электр. ресурс] <http://hermitagemuseum.org>

бимых и важных востоковедных мест работы. Он отмечал в своём дневнике: «Так, обе мои службы уходят из-под ног».¹² Александр Николаевич приводит сведения о смерти многих востоковедов, умерших от голода или погибших во время вражеских налётов. Только за первые два месяца 1942 г. ушли из жизни проф. Дервиз, акад. Коковцев, П.П. Иванов и многие другие. На начало февраля 1942 г. в бомбоубежище Эрмитажа, как сообщал, наш автор, «лежит 40 покойников, из своих и убежищников, которых не могут похоронить»¹³. Он с горечью пишет: «Так выдвигаюсь я в первую шеренгу иранистики»¹⁴.

В марте 1942 г. А.Н. Болдырев подаёт заявление на работу в Институт востоковедения, однако зачислен в штат он был только 3 июля того же года, так как с апреля по конец июня находился на службе в армии в качестве переводчика с немецкого языка¹⁵.

В июле 1942 г. начинается вторая волна эвакуации жителей города. 4 июля Александр Николаевич записывает в своём дневнике: «У нас в городе напряжённость крайняя — эвакуация... план таков: невыезд с Акад. наук вплоть до оставления её... Уезжает много и в СП. Кто отказывается — получает вместо 1-ой кат. III-ю»¹⁶. «Действует мгновенно»¹⁷. Но Александр Николаевич свой выбор сделал, хотя реально оценивал ситуацию и чётко осознавал, что «оставаться в Ленинграде — крупнейшая игра ва-банк».

Итак, А.Н. Болдырев, будучи в должности старшего научного сотрудника, становится хранителем рукописных фондов Института востоковедения. Вот как он сам пишет об этом: «Тружусь в ИВ АНе с большой пользой». Вскоре после эвакуации основного состава сотрудников ИВ АН в Казань и Ташкент в декабре 1942 г. в Ленинграде осталось пять человек, составивших ленинградскую группу Института. Её первым уполномоченным стал Д.В. Семёнов (1890–1943), а после его кончины 7 мая 1943 г. группу возглавил А.Н. Болдырев. Кроме него в штате Института к этому времени

¹² Осадная Запись..., с. 69.

¹³ Там же, с. 59.

¹⁴ Там же, с. 69.

¹⁵ А.Н. Болдырев официально числился в штате ИВ АН с 3 июля 1942 г. по 15 августа 1950 г. — см. АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. ед. хр. 95. Л. 1. Институт востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН) располагается в здании Ново-Михайловского дворца, по адресу Дворцовая наб. д. 18.

¹⁶ Осадная Запись..., с. 50–51.

¹⁷ Осадная запись..., с. 120–121. Очевидно, имеется в виду питание I и III категорий. В своём тексте А.Н. Болдырев употребляет название Союза писателей в сокращённом виде: СП или ССП. Члены Союза писателей были эвакуированы в Казань, Чистополь, Ташкент, Алма-Ату, Елабугу. См. [Электр. ресурс]: <http://prosa.ru>

числилось ещё только два сотрудника. На их плечи была возложена огромная и довольно тяжёлая работа по консервации, охране, регулярной проверке рукописей, книжных фондов и всех помещений здания. Институт востоковедения, расположенный в центре города, постоянно находился под вражескими обстрелами, кроме этого на состояние рукописных фондов негативное влияние оказывали зимние холода и близость Невы. В «Осадной Записи» постоянно встречаются такие фразы: «В бедном ИВ пронзительный холод, сырость» или «Ветер, снег. Он заносит ИВ АН. Мы откапываем, откапываем книги».

Кроме основной работы он занимался разбором книг и библиотек в квартирах умерших востоковедов и простых ленинградцев, разгружал дрова для института и дома, дежурил по ночам на крышах ИВ АН, Публичной библиотеки и Радиокомитета. Конечно, эти работы отнимали у Александра Николаевича массу времени и физические силы. Он с сожалением отмечал, что ежедневные дела, по его словам — «мотня», очень отвлекают, а так «хочется сидеть и писать». ¹⁸ И всё же он находил время заниматься наукой, и не только по темам востоковедения, но и по русской истории. В его дневнике находим следующие записи: «Вчитывался в Татищева и в ПСРЛ первый раз в жизни, и это очень важно». ¹⁹ В это же время Александр Николаевич начал собирать материал для своей докторской диссертации по истории таджикской литературы. Кроме этого, он вёл передачи на ленинградском радио и писал информацию для ТАСС, участвовал в жизни Союза писателей, рецензируя недавно вышедшие книги: «Кончил роман Яна “Чингиз-Хан”, — пишет А.Н. Болдырев, — и отказался по телефону писать рецензию, ибо роман очень плох, развесисто-клюквен, бледен, просто дрянь, несмотря на премию» ²⁰. В октябре 1942 г. в Союзе писателей ему поручили написать отзыв на литературное творчество Мэри Рид по поводу «вступления её в ССП, по-английски». Он также неоднократно приглашался сотрудничать в ленинградскую газету «Смена». Являлся редактором подшефной газеты совхоза «Ручьи».

По заданиям журнала «Звезда» Александр Николаевич рецензирует работы таджикских и узбекских авторов.

Удивительно содержательны и интересны были лекции Александра Николаевича, которые он читал в Доме учёных, причём довольно часто: шесть-восемь раз в месяц. Тематика докладов была

¹⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 824; Осадная Запись..., с. 123.

¹⁹ Осадная Запись..., с. 126; ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

²⁰ Осадная Запись..., с. 129, с. 165.

довольно разнообразной: «Из истории русско-иранских политических отношений в XIX в.», «Очерки культурной жизни Герата начала XVI в.», «Современное положение Афганистана» и др. Заметим, что по образованию Александр Николаевич был филологом, но его общая эрудиция и тщательная самоподготовка давали ему возможность делать доклады на исторические темы. А.Н. Болдырев шефствовал также над моряками Балтийского флота. Он выступал в Доме Военно-Морского флота, в Офицерском собрании, на крейсере «Киров», линкольне «Октябрьская революция», крейсере «Петропавловск». В этих аудиториях Александр Николаевич рассказывал своим слушателям о военных реформах и сражениях Петра I, о подвигах и победах известных русских флотоводцев Ф.Ф. Ушакова, С.О. Макарова и др. А.Н. Болдырев никогда не был членом партии и, находясь среди военных, с юмором называл себя «беспартийным политработником». Частым гостем со своими докладами он был и в госпитале на Фонтанке.

Так случилось, что уже осенью 1942 г. его профессиональные навыки и энциклопедические знания были востребованы и в других местах работы, кроме Института востоковедения. В начале сентября он был оформлен в штат Публичной библиотеки, а 10-го числа того же месяца единогласно принят в члены Союза писателей.

Одновременно с этим А.Н. Болдырев становится литературным редактором на Ленинградском радио. При назначении на эту должность необходимо было «быть русским и знать хорошо немецкий язык». Этим требованиям А.Н. Болдырев, который с детства владел немецким языком, соответствовал полностью.

Отметим ещё одну познавательную черту А.Н. Болдырева. Перебираясь на трамвае из одного учреждения в другое, он непременно читал что-нибудь из произведений классической художественной литературы: «25 августа [1942 г.]... Кончил (всё трамвайное чтение) “Ричард III” Шекспирова, берусь за “Кориолана”». 6 октября того же года ещё одна запись: «Трамвайно окончена “Урваси” Калидасы. Первый раз читаю его. Хорошо».²¹ Таким же образом в трамвае были прочитаны и другие книги: «Король Лир» Шекспира, романы Мариэтта, трагедии Еврипида, собрание сочинений А. Куприна и проч.

Свидетельства Александра Николаевича показывают, что, несмотря на осадное положение города, ленинградцы продолжают слушать классическую музыку, посещать театральные представления, интересоваться поэзией. 5 сентября 1942 г. А.Н. Болдырев

²¹ Там же, с. 146, 173.

записывает: «Был на вечере “Морской волчонок” — превесёлая штука в Аничковом саду». Перед представлением В. Инбер читала своё новое стихотворение «Нам от него теперь не оторваться», которое Александр Николаевич назвал «прекрасным» и подтверждал: «Да, не оторваться», потому что всегда чувствовал своё особое единение с городом.²² Действительно, на предложения вышестоящих органов — «Вам надо в Москву, такие люди нужны там» — отвечал отказом. Книжечка «прекрасных» стихов «Душа Ленинграда» В. Инбер была куплена Александром Николаевичем и хранилась в домашней библиотеке до самой его кончины.

В другом месте также читаем: «...в совершенном поражении слушал по радио арию Ленского, музыка Чайковского, в дивном просто небесном исполнении».²³ Так тесно переплетались в одно целое разные стороны жизни учёного в блокадном Ленинграде.

Характерен рассказ Александра Николаевича о жителях осаждённого города. Однажды на улице он встретил прохожего и разговорился с ним. Оказалось, что тот научный работник, балетоман и эстет, коренной ленинградец и ни за что не хочет уезжать, отказался уехать в Москву по принципу: «Лучше впроголодь, но в родном городе». Получая только служащую карточку, незнакомец на 100 руб. покупает книги. «Вот это человек!» — восклицает наш автор.

Вскоре в мае 1943 г., как уже упоминалось выше, Александр Николаевич становится уполномоченным ленинградской группы по Институту востоковедения. Занимая эту должность, с 1 декабря того же года он начинает вести свой Журнал, где фиксировалось только то, что непосредственно касалось ИВ АН²⁴. Благодаря этим сведениям можно представить, какая огромная работа была выполнена всего тремя сотрудниками в этот период. В обязанности группы, прежде всего, входили регулярные проверки рукописного, архивного и библиотечного фондов. По тексту в промежутке трёх недель встречаем такие записи: «Произведён контрольный осмотр рукописного и архивного фонда ИВ, магазина БАН. Фонды в полном порядке».²⁵ Данные о состоянии дел в институте, а также годовые отчёты о научной работе этих трёх человек обязательно отправ-

²² Там же, с. 152.

²³ Осадная запись..., с. 175.

²⁴ Последняя запись в Журнале была сделана А.Н. Болдыревым 6 июня 1945 г.

²⁵ Журнал..., с. 16–28. «Магазин БАН» — имеется в виду хранилище восточной библиотеки, расположенной в здании ИВ АН, но официально относящейся к Библиотеке Академии наук.

лялись в вышестоящие организации. Один экземпляр директору института акад. В.В. Струве в Ташкент, второй — в Московскую группу ИВ, третий в Президиум Академии наук в Ленинграде.

А.Н. Болдырев внимательно следил за научным потенциалом своих подопечных. 18 января 1943 г. он отправляет в Москву документы, необходимые для ходатайства о присвоении преподавателю японского языка ЛГУ и на тот момент сотрудника ИВ АН (1942–1966) Петровой О.П. звания доцента.²⁶ В отношении сотрудников А.Е. Глускиной и И.Г. Лившица хлопочет о возвращении им занятых во время блокады чужими людьми их квартир. Его старания были успешны. Вскоре их незаконно заселённая площадь была возвращена упомянутым сотрудникам.

Вся эта всесторонняя работа ведётся в тяжелейших условиях военного времени. 30 августа 1943 г. в «Осадной Записи» А.Н. Болдырев сообщает: «В бедном ИВ я лично с помощью Ольги Петровны зафанерил 58 секций. Работа продолжается»²⁷. Или ещё одна подобная запись в Журнале от 7 декабря 1943 г.: «В 11 ч. 20 м. утра. Время артобстрела. В помещении чит. зала магазина тибетского кабинета выбито 18 оконных секций. Стена каталога повреждена осколком». А спустя уже четыре дня, т. е. 11 декабря, он записывает: «Выбитые окна заделаны своими силами фанерой и картоном».²⁸

Летом 1943 г. в Ленинград стали возвращаться из эвакуации многие деятели науки, литературы, искусства. Это было очень радостным моментом для жителей, переживших блокаду города, своеобразным вестником мирной жизни. Со многими из них наш автор был знаком и искренне радовался их возвращению. Так, 28 июня 1943 г. А.Н. Болдырев был в гостях у А.А. Ахматовой, только что вернувшейся из эвакуации. Вот его впечатления от этой встречи: «Анна Андреевна не помолодела, пополнела, поправилась. Исчезла классическая чёлка! Ольга Берггольц сидела у ней. Какие разные, и какие замечательные, каждая. Да, О.Ф. заслуживает этого слова»²⁹. А дальше Александр Николаевич называет Ольгу Фёдоровну «живой кровоточащей хроникой блокадного ужаса» и передаёт совершенно трагические свидетельства из её уст. Он записывает: «Она говорила мне о мёртвом, вросшем в лёд, у проруби на Литейном, где все брали воду, а он торчал в прозрачном затвердении. А муж её умер в палате, где были сошедшие с ума

²⁶ Журнал..., с. 16.

²⁷ Осадная Запись, с. 300.

²⁸ Журнал..., с. 15.

²⁹ Осадная Запись..., с. 325.

от голода. Они отвергали всякую пищу уже, плевались и бредили, кто шампанским, кто жареной колбасой»³⁰.

Итак, этот 1943 год проходит для Александра Николаевича, официального уполномоченного ленинградской группы ИВ АН, в постоянных хлопотах и заботах, как о фондах, так и о судьбах сотрудников. Наступивший 1944 г. стал памятным для ленинградцев, 27 января была полностью снята блокада города, и постепенно горожане стали возвращаться к мирной жизни. Александр Николаевич продолжает заниматься вверенными ему делами и лекционной деятельностью. Он, как и прежде, регулярно проверяет рукописные и архивные фонды ИВ АН: «каждая папка и каждая коробка (их много сотен) уложена моими руками».

Приводит в порядок помещения, подготавливая их для дальнейшего полноценного функционирования, занимается каталогизацией архива и книг, поступивших за этот период из частных библиотек востоковедов, например член-корр. Н. А. Конрада, акад. И. Ю. Крачковского и др.

В журнале встречаем такие записи: «Заражённые книги А. А. Ромаскевича отделены от здоровых, часть которых поднята на 5 этаж своими силами»³¹. За один рабочий день 22 июля 1944 г. сотрудники вынесли из тибетского кабинета около 200 шт. кирпича, 106 вёдер кирпичного лома. Сейчас трудно себе представить, чтобы такой энциклопедических знаний учёный как А. Н. Болдырев вместе с одним из сотрудников института В. И. Кальяновым покрывали голем крышу. Но это реальный факт из его военной биографии. Только в конце ноября 1944 г. помещения Института востоковедения более или менее были восстановлены полностью. 24 ноября того года Александр Николаевич фиксирует: «Закончено замазывание фанеры и рам (всего вставлено и замазано 209 “фанерогвоздомена”»³². Даже эти несколько цитат из его текста показывают, в каком разрушенном состоянии находилось само здание, в котором ещё нужно было ленинградской группе и её уполномоченному сохранять фонды в полном порядке. Отметим также, что при выполнении любых работ, требующих физических усилий, Александр Николаевич всегда подчёркивает — «сделали собственными силами».

22 августа 1944 г., как явствует из Журнала, в ИВ АНе после трёхлетнего перерыва состоялось первое научное заседание, на котором уже присутствовало 25 человек. С докладом на тему «Хронология истории мидян в трудах Геродота» выступил дирек-

³⁰ Осадная Запись..., с. 325–326.

³¹ Журнал..., с. 22.

³² Там же..., с. 26.

тор института акад. В.В. Струве. С этого времени научная жизнь в ИВ АНе была восстановлена. Заседания проходят довольно регулярно, охватывая разнообразные научные направления. Все эти данные также скрупулёзно зафиксированы в Журнале А.Н. Болдырева. Благодаря его сведениям можно констатировать, что научная жизнь в институте продолжалась как во время блокады, так и сразу же после её снятия.

Подчеркнём, что, несмотря на возвращение из эвакуации директора и части сотрудников, Александр Николаевич ещё официально оставался на должности уполномоченного до тех пор, пока многочисленные комиссии вышестоящих организацией не приняли у него отчёты и не проверили все фонды. Как и следовало, все рукописные хранилища оказались «в полном порядке». Последняя дата, проставленная в Журнале его автором, — 6 июня 1945 г. В этот день Александр Николаевич провёл последний осмотр рукописного и архивного хранилищ.

Спустя две недели 25 июля 1945 г. приказом по институту за № 27 А.Н. Болдырев был освобождён от исполнения обязанностей уполномоченного ленинградской группы ИВ АН. За добросовестную работу в годы блокады, за правильную организацию по хранению рукописного и архивного фондов ему была объявлена благодарность и выплачены премии на сумму сначала 1000, а затем — 1700 руб.³³. Его самоотверженный труд и героическая стойкость в годы блокады были по достоинству оценены правительством СССР. А.Н. Болдырев был награждён орденом «Знак почёта», медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Итак, перевернув страницы блокадных записей А.Н. Болдырева, ещё раз хочется отметить, что у каждого ленинградца, пережившего те страшные годы, своё видение этого времени. Проследившая дни жизни А.Н. Болдырева в те годы по его личным данным, хочется отметить его работоспособность, ответственность к порученным заданиям, горячее желание сохранить себя в профессии, огромную любовь к своему городу, не утраченную способность сочувствовать другим. Несомненно, все эти качества помогли Александру Николаевичу Болдыреву выжить в блокадном городе, оставаясь на высоком интеллектуальном уровне, а затем ещё долгие годы заниматься любимым делом: писать, переводить, учить.

Санкт-Петербург

³³ Личное дело А.Н. Болдырева — АВ ИВР РАН. Ф. 152. оп. 3, ед. хр. 95. Л. 50.